

Памяти Петра Чепелкина

Петр Афанасьевич Чепелкин родился в 1919 г. в деревне Молуновка Хотимского района.

В 1935 г. окончил Василевскую семилетку, переехал в Ленинград и начал работать бетонщиком, а через год он работал на заводе имени М.И.Калинина. Без отрыва от производства молодой токарь учился в Ленинградском центральном аэроклубе. После учебы поступил в школу инструкторов-летчиков и успешно окончил ее. Затем он уже сам учил молодых парней летному мастерству в другом Ленинградском аэроклубе.

Ноябрь 1939 г. Петр добровольно идет служить в Военно-Морской флот. Его зачисляют курсантом авиационного училища в городе Ейск. В декабре 1940 г. в звании младшего лейтенанта Чепелкин направляется в

П.А. Чапелкин.

Краснознаменный Балтийский флот в авиаполк истребителей.

Началась война. С первых дней младший лейтенант Чепелкин находится в воздушных боях с фашистскими стервятниками. Его Як-1 был грозой для врагов.

По приказу командования в конце декабря 1941 г. Петр Чепелкин со своими боевыми друзьями вылетел на охрану «Дороги жизни» — ледовой трассы на Ладожском озере. За первую неделю наши летчики сбили над озером 25 вражеских самолетов. Ледяная трасса жила, и осажденный город получал боеприпасы, технику, продукты питания, медикаменты. Авиачасти присвоили почетное звание гвардейской, а Чепелкину — звание лейтенанта и наградили орденом Боевого Красного Знамени. В один из морозных дней Петр Чепелкин (уже в звании старшего лейтенанта) и командир эскадрильи гвардии майор Георгий Костылев (позже ему было присвоено звание Героя Советского Союза) шли на боевое задание. Внезапно из-за туманной дымки на них налетела армада фашистских истребителей. Прицельным огнем друзья-однополчане рассеяли боевой порядок врага. Но немцы заметили, что против них только двое, и повели себя наглее: Костылев и Че-

пелкин атаковал их сзади и сбил второй «мессершмитт».

Два уцелевших «мессершмитта» пошли вверх и пропали в тумане. Разгоряченные погоней, обрадованные успехом Чепелкина, летчики мечтали о продолжении боя. Они довольно долго кружились над морем, надеясь снова наткнуться на вражеские самолеты. Наконец снова заметили впереди оба «мессершмитта». Не желая принимать боя, они метнулись в сторону и сразу разъединились — один «мессершмитт» пошел влево, другой вправо. Рассохин, Кабанков и Чепелкин понеслись за тем, который свернул влево, Лунин и Серов — за тем, который свернул вправо.

Лунин мчался на максимальной скорости и долго не терял свой «мессершмитт» из виду. Но внезапно тот пропал. Пропал мгновенно. Лунин никак не мог понять, куда он делся, и некоторое время мчался все в том же направлении, надеясь, что вот-вот увидит его снова. Вероятно, «мессершмитт» свернул, а он прозевал это, не заметил. Он обернулся, чтобы посмотреть, идет ли за ним Серов. Серова тоже не было. Нигде ничего, кроме тумана. Лунин остался один. Горючее у Лунина шло к концу, а до аэродрома было далеко. Однако он решил еще раз попытаться найти своих, и снова нырнул в туман. Увидев сквозь туман волны, он заметил две быстрые тени, скользящие под ним. Над самой водой «мессершмитт» гнался за самолетом, уходящим широкими зигзагами.

Вероятно, это самолет Серова. «Мессершмитт» находился как раз под Луниным, и действовать нужно было сразу. Лунин спикировал на него, нажав гашетку. «Мессершмитт» рванулся вправо, но на вираже задел крылом волну, перевернулся и исчез в воде. Тем временем самолет, за которым только что гнался «мессершмитт», успел скрыться в тумане. Но Лунин скоро настиг его и пошел к нему. Нет, это не Серов, это Чепелкин.

Лунин помахал ему плоскостями, пристроил его к себе и повел вверх.

Горючего было мало, и он решил возвращаться над туманом, чтобы зря не плутать и иметь запас высоты. Но Чепелкин поднялся метров на сто и выше не пошел. Тут только Лунин заметил, что с самолетом Чепелкина что-то неладно. Двигался самолет Чепелкина очень медленно и какими-то рывками, словно прыгал. Может быть, «мессершмитт» успел

пелкин уверенно и спокойно выводили свои машины из-под обстрела, поливая врага огнем. Самолетов противника стало меньше. И это окрылило друзей. Они снова ринулись в атаку. Но вражеская пуля пробила ногу Чепелкину.

Госпиталь. А потом снова полеты, атаки, бои. Начало ноября 1942 г. Оттепель продолжалась несколько дней, потом опять прихватило морозцем, и пошел снег. Было только начало ноября, но казалось, что зима установилась окончательно. Снег шел несколько дней подряд.

Немцы теперь вылетали не часто — не столько из-за снегопадов, сколько из-за полного бездействия немецкой авиации. Немцы решили не рисковать, подождать немного и войти в мертвый город. Небывалый по жестокости замысел. Все будет цело — дома, заводы. И тишина, тишина... Не будет только людей. Многомиллионный город — и никакого подвоза ниоткуда, кольцо, петля. Запасы? Разве можно запастись на три с лишним миллиона человек... Вынужденное сидение на аэродроме томило и угнетало. Летчикам хотелось летать и сражаться во что бы то ни стало, потому что в эту трудную для страны осень только летая и сражаясь они могли жить, не чувствуя за собой вины.

— Неужели мы до Октябрьских праздников не собьем больше ни одного самолёта?

До 7 ноября оставалось всего несколько дней. К приближению этого привычного и любимого праздника в тот год относились с особым волнением. Враг угрожал всему, что было создано Октябрьской революцией и что составляло смысл жизни каждого из них. И годовщину революции им хотелось отметить ударом по врагу.

Наконец утром 6 ноября тучи стали редеть, даже солнце показалось.

Но слой тумана толщиной метров в семьсот все еще висел над морем и побережьем, и на рыжий солнечный диск, расплывчатый и огромный, можно было смотреть не мигая.

В это утро, по сообщению постов наблюдения, кое-где были замечены немецкие самолеты. Они бродили парами, держась низко, в тумане.

Пять самолетов Рассохина (Чепелкин, Серов, Лунин и Кабанков), построившись клином, летели сквозь сияющий и дробящий солнечные лучи туман, как сквозь радугу. Держаться приходилось тесно, потому что даже при самом незначительном отдалении самолет соседа начинал двоиться, троиться и вдруг исчезал, словно его стерли резинкой. Они пошли к Ленинграду и прошли над устьем Невы. Нигде ни одного немецкого самолета. Свернули направо, прошли над Петергофом.

повредить ему мотор? Или Чепелкин ранен? Он не ответил Лунину, когда Лунин, подлетев, помахал ему рукой. До своего аэродрома Чепелкин может и не дойти. Нужно довести до Кронштадта и там посадить.

Кронштадт долго не появлялся, и Лунин уже начал беспокоиться, не прошли ли они мимо. Но вот впереди из тумана выполз мыс, белый от снега, окруженный черной водой. Это был пустынный западный край острова Котлина, на котором расположен Кронштадт. Лунин почувствовал облегчение. Но, к его удивлению, Чепелкин на посадку не пошел. Он медленно двинулся дальше, на восток, над узким и длинным Котлином.

Это встревожило Лунина, но он успокоил себя, решив, что Чепелкин, конечно, знает, что делает. Он, безусловно, ранен, но, вероятно, уверен, что дойдет до своего аэродрома.

Под ними потянулись длинные прямые улицы Кронштадта с двухсотлетними каменными домами. Они шли так низко, что купол собора был выше их. За собором — кирпичные стены заводов, высокие черные трубы. Моряки на улицах задирали головы, разглядывая самолеты, и Лунин ясно видел их лица. Чепелкин спустился еще ниже. Лунину показалось, что он все-таки решил сесть. Но вот впереди уже выполз из тумана и восточный мыс, а Чепелкин все летел и летел. Перевалив через последние крыши, они снова оказались над морем.

Чепелкин пошел прямым путем — наискось через Маркизову лужу, к Лахте. Они тащились над самой водой — теперь уже Чепелкин впереди, а Лунин метрах в тридцати от него, сзади. Под ними были большие плоские льдины и черные дымящиеся полыньи.

И тут самолет Чепелкина на глазах у Лунина неторопливо клюнул носом в полынью, погрузился и исчез.

Лунин кричал, хотя сам не слышал своего крика сквозь гул мотора. Крича, он все кружил и кружил над тем местом, где исчез самолет Чепелкина. Он надеялся, что Чепелкин вот-вот покажется из воды, что не может все так кончиться. Нет, он ни на что уже не надеялся. Он знал, что все кончилось. Он просто не мог уйти от этого ужасного места и все кружил и кружил...

Когда он очнулся, у него оставалось горючего на три минуты полета. Он направился к аэродрому. Пересекая береговую черту, он увидел впереди два самолета — это возвращались Рассохин и Кабанков. Идя на посад-

Никого. Опять направо, к Кронштадту. Нет немцев. Может быть и есть, но как их заметить, когда в пятистах метрах не видно ничего. Куда же теперь? По обычному пути к себе на аэродром, так ничего и не достигнув? Но над Кронштадтом Рассохин повернул к запа-

ду и повел их в открытый простор Финского залива.

Едва Кронштадт остался позади, как летчики увидели перед собой четыре «мессершмитта» — четыре темных длинных пятнышка с расплывающимися краями. Они видели их только одно мгновение, потому что Рассохин сразу повернул и повел свою эскадрилью в сторону, чтобы «мессершмитты» не успели её заметить. Нужно было скрыться в тумане и напасть на немцев внезапно.

Самолеты эскадрильи легли на тот же курс, которым двигались «мессершмитты», и, не видя их, шли параллельно им — левей и выше. Спустя минуту самолет Чепелкина отделился от остальных и ушел направо, в туман, один.

Это была уловка, которую они не раз обсуждали у себя в кубрике. Если «мессершмитты» обнаружат, что их преследуют пять советских истребителей, они не примут боя, удерут, и туман поможет им скрыться. Нужно приманить их — и вот самолет Чепелкина будет отличной приманкой. Они непременно соблазнятся и нападут на одинокий советский самолет. Чепелкин завертит их, задержит, отвлечет их внимание. И уж тогда им удрать не удастся.

После того, как Чепелкин исчез, они еще целую минуту шли, не меняя курса. Потом, вслед за Рассохиним, повернули направо.

Они не сразу нашли «мессершмитты», проклятый туман заволакивал все, — они кружились, поднимались, опускались, а время шло, и Чепелкина могли убить. Они уже начали не на шутку тревожиться. И неожиданно выскочили прямо на немецкие самолеты. Четыре «мессершмитта» со всех сторон атаковали самолет Чепелкина.

Но Чепелкин был увертлив и ловок. Он кружился и переворачивался между летящими в него струями трассирующих пуль, он то взлетал вверх, то падал вниз, он выразил так круто, что «мессершмиттам» ни разу не удалось поспеть за ним. При этом он яростно огрызался, и как раз в то мгновение, когда товарищи увидели его, он убил немецкого летчика, и один из «мессершмиттов» упал в скрытое туманом море.

За этой победой сразу же последовала еще одна. Когда три немецких летчика, заметив внезапно появившиеся советские самолеты, повернулись, чтобы отразить нападение, Че-

ку, он увидел на аэродроме самолет Серова. Значит, Серов вернулся первым.

Рассохин и Кабанков, только что приземлившись, стояли рядом с Серовым и, окруженные техниками, рассказывали. Когда Лунин, выйдя из самолета, подошел к ним, Кабанков повернул к нему лицо с веселыми и счастливыми глазами.

— Майор, — закричал он. — Мы с капитаном на обратном пути еще один сбили! Недурно для праздника, а?

Но увидел лицо Лунина и все понял.

— Чепелкин?..

Лунин кивнул.

Так на 23-м году жизни погиб верный сын Советской Родины гвардии капитан Петр Афанасьевич Чепелкин.

Под Ленинградом П.А.Чепелкин сделал 215 боевых вылетов и уничтожил 13 вражеских самолетов. В музее Хотимской СШ №1 хранятся его фотографии, воспоминания о нем, ему посвящена книга Николая Чуковского «Балтийское небо» и одноименный кинофильм, книга И.Каберова «В прицеле — свастика», воспоминания летчика-истребителя, Героя Советского Союза.

Падрыхтавала да друку В.І.Баурьна.

Памяти Петра Чепёлкина // Памяць : гісторыка-дакументальная хроніка Хоцімскага раёна / рэдкалегія: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2003. — С. 449—452.